

УДК 323, 329

Любовь ФАДЕЕВА

ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕВОЛЮЦИИ: ШОТЛАНДСКИЙ КЕЙС

Аннотация. В статье рассматриваются дебаты о британской идентичности, существенным компонентом которых является представление об автономности не только четырёх составляющих Соединённого Королевства, но и присущих их сообществам идентичностей. Британская оппозиция Европе выглядит в этом контексте не более чем английской оппозицией.

Автор характеризует один из этих автономных элементов – Шотландию – и определяет трансформацию шотландской идентичности под влиянием двух важных и взаимосвязанных процессов последних десятилетий – деволюции и интеграции. Шотландцы обладают двойной идентичностью – шотландской и британской, но исключают английскую идентичность. Долгий процесс борьбы за самоуправление завершился принятием Актов о деволюции 1998 г. и Акта о Шотландии 2012 г. Деволюция усилила шотландскую идентичность, национальное самосознание и осознание шотландцами весомой собственной роли внутри Великобритании и в рамках Европейского союза. Практическим проявлением этих процессов стала поддержка референдума о независимости Шотландии. Хотя 55,3% участников референдума высказались против выхода Шотландии из состава Соединённого Королевства, уровень публичных дебатов и манифестация шотландской идентичности остались высокими. Европейская интеграция расширила возможности Шотландии представлять свои интересы, поэтому две трети жителей Шотландии выступают за сохранение членства Британии в ЕС по сравнению с половиной респондентов в Англии и Уэльсе.

Ключевые слова: идентичность, деволюция, европейская интеграция, Шотландия, Соединённое Королевство, британскость, Европейский союз.

Решение британского парламента о проведении референдума о членстве Британии в ЕС вызвало оживленную реакцию и в очередной раз стимулировало дискуссии о том, что такое Британия, какова британская идентичность и даже является ли Британия европейской страной. Можно вспомнить, что дебаты такого рода ведутся по меньшей мере с подписания Маастрихтского договора, стимулировавшего публичный дискурс по поводу британской идентичности и её соотношения с европей-

© *Фадеева Любовь Александровна* – д.и.н., профессор, заведующая кафедрой политических наук, ФГБОУ ВПО “Пермский государственный национальный исследовательский университет”, член Правления АЕВИС, председатель Пермского отделения АЕВИС. *Адрес:* 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. *Телефон:* (342) 239-65-02. *E-mail:* lafadeeva2007@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 15-18-00034 “Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств”.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520159199>

ской – [Colley, 1992]. Европа как западная цивилизация, понимание Запада как политического концепта, европейская интеграция, “общий европейский дом” рассматривались на том этапе как достаточные основания вписать европейскую идентичность в британский контекст [Eleu, 1992].

По мнению ряда исследователей, прошедшие годы и опыт членства Британии в Европейском союзе дали скорее обратный результат. “Британские опросы общественного мнения постоянно находят доказательства поддержки тезиса о том, что Британия – неохотный партнёр Европы”, – пишет Оливер Дэддоу, приводя примеры социологических исследований, характеризующих Британию как одного из наиболее скептически настроенных членов ЕС [Daddow, 2006: 310–311]. На его взгляд, большинство британских газет демонстрирует по отношению к Европе и ЕС в лучшем случае безразличие, в худшем – откровенную враждебность. Телевидение страны неоднократно получало упреки от лидеров ЕС в том, что оно показывает деятельность сообщества в негативном свете. Партийно-политический контекст также изменился существенно: место консенсуса по поводу членства в ЕС заняла конфронтация, что особенно видно на примере UKIP.

Наряду с понятием “евроскептицизм” в Британии используются понятия – “еврофобия”, “еврокритицизм”, “европрагматизм”: “Евроскептики в прессе обычно используют слова – независимость, суверенитет, супергосударство, субсидиарность, федерализм, бюрократы или еврократы” [Daddow, 2006: 315]. Дебаты о “британскости” (Britishness) нередко выступали средством политической борьбы. Известны нападки Гордона Брауна на Маргарет Тэтчер за то, что она представила миру суженное представление о Британии как стране, основанной на жестком индивидуализме, недоверии к иностранцам и неизменной конституции. Ник Клэгг призывал Британию начать воспринимать себя как европейскую страну с головы до пят [Rosenbaum, 2001: 276].

Оживленное обсуждение британской идентичности сочетается с весьма эмоциональной оценкой низкой эффективности подобных дебатов [Rojek, 2007]. Б.Парех утверждает, что британские дебаты о национальной идентичности остаются разочаровывающими [Parekh, 2008: 69]. Глава Британского Совета Лорд Киннок инициировал специальное издание, подготовленное мозговым трестом совета, с целью вписать современное чувство идентичности в реальный глобальный контекст [Ware, 2007]. Автор книги брала интервью на улицах британских городов и приводит наиболее яркие из них, например, высказывание протестанта из Ольстера: “Я могу назвать себя британцем, но это зависит от ситуации. Сказать, что я ирландец, можно в привязке к культурной идентичности. Заявить в Северной Ирландии, что я британец, значит, сделать политическое заявление” [Ware, 2007: 165].

Крис Ройек убежден, что британец как конструкт – историческая субстанция. “История делает фигуру британца неопределённой”, поскольку “Англия, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия составляют четыре автономных элемента. Ценности каждой нации формировались посредством их исторических, экономических, политических и культурных отношений с другими тремя” [Rojek, 2007: 20]. В этом контексте высказывается предположение, что сегодняшняя британская оппозиция Европе – это английская оппозиция Европе [Barnett, 1990: 209].

Замысел данной статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать один из этих автономных элементов – Шотландию – и определить трансформацию шотландской идентичности под влиянием двух важных и взаимосвязанных процессов последних

десятилетий – деволюции и интеграции. Деволюция¹ как элемент конституционной реформы, предоставляющей автономию Шотландии и Уэльсу, была проведена под влиянием не только внутренних процессов, но и под воздействием активной региональной политики Европейского Союза. Британский исследователь деволюции в Великобритании Вернон Богданор насчитал десять попыток добиться деволюции в Шотландии и Ирландии, начиная с 1886 г. (1886, 1893, 1912, 1920, 1973, 1982, 1976, 1978, 1979, 1997 г.) [Bogdanor, 2001]. Далекое не случайно то, что успех в создании региональных автономий в Шотландии и более скромный в Уэльсе пришёлся на период активной регионализации в ЕС.

Социологи отмечают наличие у части шотландцев двойной идентичности – шотландской и британской, особенно когда речь идёт о месте Британии в мире. Иное отношение к Englishness, английской идентичности. “Первое, что нужно знать о шотландцах – то, что они не англичане”, – заявление историка М.МакЛарена можно считать манифестацией шотландской идентичности [Федосов, 1996: 6]. В историческом плане шотландцы считают, что им есть чем гордиться: их парламент не уступает по древности английскому, традиции 800-летней шотландской монархии включали, в частности, представление о короле как о страже общества, а не о его господине. Особое место отводится в шотландском фольклоре историческим фигурам, которые стали культовыми вследствие их борьбы против англичан, таким как Роберт Брюс (шотландский король в 1306–1329 гг.). Манифестом шотландской независимости шотландцы считают Арбротскую декларацию 1320 г., в которой говорилось: “Доколе хоть сотня из нас останется в живых, никогда и ни в коей мере не покоримся мы английскому владычеству. Ведь не ради славы, богатств или почестей мы сражаемся, но единственно во имя свободы” [Федосов, 1996: 177]. Завершила длительную историю борьбы за независимость битва при Данбаре 1650 г., закончившаяся полным поражением шотландцев, битва эта упоминается во множестве фольклорных и художественных произведений.

В шотландской научной литературе нередко выражается сугубо отрицательное отношение к Унии 1707 г., которая трактуется как поглощение Шотландии, а не равноправный союз, как плод махинации английских властей, подкупа и пропаганды продажных памфлетистов, а также невидимости шотландских правителей, которые “ухватили приманку”, “попались на крючок” [Dicey, Rait, 1920: 182–185]. Шотландцы гордятся тем, что профессора шотландских университетов в XVII–XVIII вв. создали знаменитую интеллектуальную традицию, научную школу, стимулировавшую независимый исследовательский дух. XIX в., ознаменованный в Британии формированием разветвлённых институтов гражданского общества, свободолюбивым шотландцам предоставил возможность создания в 1839 г. Национальной ассоциации защиты прав шотландцев, а в 1886 г. – Ассоциации шотландского гомруля. Идеи независимости Шотландии были близки и низам общества: так, во время стачки 1820 г. ткачи Стратхевена несли знамя “Свободная Шотландия или пустыня”. Во время выборов 1888 г. известный лидер рабочего движения Кейр Гарди говорил: “Я решительно стою за шотландский гомруль, ибо убежден, что пока у нас не будет собственного парламента, мы не сможем осуществить многие значительные реформы, которых, я уверен, желает всем сердцем народ Шотландии” [Рабочее движение..., 1982: 189]. Он организовал в том же году Шотландскую

¹ Слово “деволюция” происходит от лат. “devolvere” – “сбрасываю”; так английские правоведы обозначают процесс передачи власти от одного юридического лица другому.

рабочую партию, в программу которой входило требование шотландского гомруля. В 1928 г. была создана Национальная партия, которая выступала за полное отделение Шотландии от Англии. С 1934 г. – Шотландская национальная партия провозгласила своей целью “самоуправление для Шотландии на такой основе, которая позволила бы Шотландии стать равным партнёром Англии, чтобы развивать все возможности национальной жизни”.

Процесс занял семьдесят лет постоянной борьбы, множества политических кампаний. На референдуме 1 марта 1979 г. за высказалось 32% участников (вместо 40%, требуемых согласно биллю) [Bogdanor, 1999: 189–190]. Шотландская пресса назвала 40%-ую квоту “ударом молота по Шотландии”. Ровно год спустя после референдума, с 1 марта 1980 г., в Шотландии развернулась кампания за деволуцию, вовлекшая все партии. В 1988 г. был назначен Конституционный комитет, который рекомендовал создать Шотландский конституционный конвент. Конвент подготовил два доклада – в 1990 и 1995 гг. Последний назывался “Парламент Шотландии, право Шотландии”. В этих докладах была разработана схема деволуции. Консервативное правительство и сама Маргарет Тэтчер скептически относились к этим идеям, и Тэтчер стала крайне непопулярна в Шотландии [Denver, 2000: 3]. В политическом плане наиболее важным моментом было достижение согласия между либерал-демократами и лейбористами о том, что шотландский парламент должен избираться по системе пропорционального представительства.

Деволуция – это не независимость, а автономия, поясняет Богданор, поскольку шотландский парламент имеет статус *devolved parliament*, а не *sovereign parliament*. Кроме того, согласно Конституции, Вестминстер может отменить решение референдума о деволуции, но лишь посредством нового референдума.

Как исследователи деволуции, так и политики отмечали, что наиболее важный процесс первых лет – смещение центра тяжести в политическом процессе в сторону шотландского парламента от Вестминстера. За три года шотландским парламентом было принято 28 законов, в то время как в британском парламенте в год принимались один-два закона, касающихся Шотландии; шотландские патриоты подсчитали, что лишь 45 минут в месяц парламентарии в Вестминстере тратили на обсуждение шотландских проблем. Шотландцы оценивали свой парламент как более демократичный, открытый, близкий к народу, нежели Вестминстер.

В 1999 г. были проведены Акты о деволуции, предусматривавшие создание парламентов в Шотландии и Уэльсе. Аналогичный орган (Ассамблея) был создан Белфастским соглашением между католиками и протестантами в Северной Ирландии [Дилеммы Британии, 2014: 60]. Шотландская Национальная партия и Плайд Камри – Партия Уэльса, заняв важные места в новых институтах, получили право принимать важные для своих регионов решения. Как отмечают исследователи, “достаточно широкая степень автономии, полученная двумя регионами, превратила страну из Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, в более сложное образование, существенно изменив его преимущественно унитарный характер” [Дилеммы Британии, 2014: 63].

Первый пакет документов, регулирующих межправительственные отношения в Соединённом Королевстве, состоял из рамочного Меморандума о взаимопонимании (МОВ) и пяти четырёхсторонних конкордатов, подписанных правительством Великобритании, с одной стороны, и главами исполнительных ветвей власти в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии – с другой.

В Меморандуме о взаимопонимании изложены ключевые моменты связи цен-

тра и региона. Основной акцент в документе был сделан на принципе добровольного взаимодействия, консультациях и сотрудничестве. Последний обновленный вариант меморандума был опубликован в октябре 2013 года [Devolution of powers..., 2013]. В рамках меморандума был создан Объединённый комитет министров (Joint Ministerial Committee). Действует согласительная процедура, согласно которой Вестминстер может вносить законопроекты, затрагивающие компетенцию региона, запросив на то одобрение парламента Шотландии. По данным официального сайта правительства Шотландии, с 1999 по 2011 год в ходе трёх сессий согласительную процедуру прошли 119 законопроектов, а на четвертую сессию (с 2011 по 2016 год) запланировано еще 29 [Sewel Convention...].

В 2012 году британский парламент принял новый Акт о Шотландии (Scotland Act 2012), в соответствии с которым шотландскому правительству был передан максимальный объем полномочий по финансовым вопросам за всю историю Соединённого Королевства. Региональный парламент получил право начиная с 2016 г. самостоятельно устанавливать ставку подоходного налога [Scottish rate...].

Процессы европейской интеграции существенно усилили шотландский регионализм, национальное шотландское самосознание и осознание шотландцами весомой собственной роли внутри Великобритании, как в политических, так и в социально-экономических аспектах. В культурно-языковом плане шотландский гэльский и англо-шотландский (скотс) были официально признаны в 1992 г. Европейской хартией региональных языков и языков меньшинств, которую в 2001 году ратифицировало правительство Великобритании [McGarvey, 2008: 26]. Один из плодов деволюции – возможность Шотландии более активно участвовать в движении регионов внутри Европейского союза, иметь от этого определённые дивиденды. 28 мая 2001 г. Шотландия наряду с семью регионами, имеющими свои парламенты, подписала Фландрскую декларацию, которая явилась очередным результатом процессов регионализации в Европе. Подписание Декларации можно охарактеризовать как очередной шаг на пути становления “Европы регионов”. Из многообразия подходов к этому понятию мы используем подход И.М.Бусыгиной, которая понимает Европу регионов как процесс, включающий “интенсификацию межрегионального сотрудничества (горизонтальная интеграция) и оформление институтов доступа регионов к принятию решений на наднациональном уровне (вертикальная интеграция)” [Бусыгина, 2001: 16]. Слоганом Фландрской декларации стало обращение её участников к другим европейским регионам: “Мы – те, чьему примеру вы должны следовать!”.

Шотландия получила свою квоту депутатов в Европарламенте. Поскольку европейская политика является исключительной компетенцией Вестминстера и британского правительства, регионы вынуждены лоббировать свои интересы через британский парламент, чтобы отстоять собственный интерес в касающемся региона вопросе [Scotland in the ..., 2013]. Однако более 80% делегированных региону полномочий в той или иной степени подпадают под действие решений, принимаемых на уровне Европейского Союза. Кроме этого в ноябре 2009 г. Шотландская национальная партия опубликовала Белую книгу “Ваша Шотландия, Ваш Голос”, в которой было представлено несколько возможностей реформы – от большей деволюции до окончательной независимости [Your Scotland...]. Важнейшим процессом последних лет стала подготовка и проведение референдума о независимости Шотландии. Договор об условиях референдума был подписан 15 октября 2012 г., 30 мая 2014-го дан официальный старт агитационной кампании, яркой, полной эмоций и

страстей. 18 сентября 2014 г. 55,3% респондентов решили, что Шотландия должна остаться в составе Великобритании. Явка составила 84,5%.

Для оценки системы аргументации рядовых шотландцев можно обратиться к специально созданному ресурсам в социальных сетях – “Да, Шотландия!” и “Вместе лучше!” Аргументы в социальных сетях с призывом ответить “Да” на вопрос “Должна ли Шотландия быть независимой страной” включали апелляцию к истории и шотландской национальной идентичности: “300 лет назад мы не имели слова по поводу заключения Унии, но теперь должны вернуть свою независимость”, “мы снова можем стать нацией”, “мы должны утвердить наш статус как нации” (yesscotland).

Сторонники сохранения единства Британии напоминали о “социальных связях народов Объединённого Королевства, которые позволяют сохранять страну сильной”, выражали недоумение по поводу тех, кто хочет жить в “менее влиятельной и процветающей стране” (bettertogether). Джеймс Митчелл отмечает, что несмотря на результаты референдума, Шотландия стала “другим местом”. SNP является единственной действительно массовой партией в Британии. Интерес к политике и уровень публичных дебатов остаётся высоким. Он говорит о том, что “Шотландский вопрос” по-прежнему не решен [Keating, 2015].

Дискуссии периода референдума показали, что остается актуальным целый ряд вопросов, поставленных исследователями: идентичность как отождествление с местом или с общностью; какой национализм преобладает в Шотландии – гражданский или этнический? Учёные говорят о Шотландском гражданском национализме [Soule et al., 2012: 5]. Китинг даже предложил образ шотландского национализма как скромного, практичного, сосредоточенного на практических решениях и институциональных конфигурациях, одного из наименее романтических националистических движений [Keating, 2001: 221].

С другой стороны, в коллективной идентичности особое значение имеют культурные компоненты. Влияние вождей кланов, значение самих кланов в жизни шотландцев находит отражение в том внимании, которое шотландцы уделяют цветам и традициям своего клана. Коллективная память о предках – гордых и свободолюбивых, нередко необузданных, но скорых в обучении, умных, экономных, является одним из компонентов шотландской культуры. Роберт Брюс, тартан, килт, односолодовый виски, разные романтические символы истории Шотландии культурная элита страны стремится связать с рациональными, гражданскими ожиданиями сегодняшнего дня. Кстати, шотландские профессора активно работают в блогосфере, оперативно и профессионально реагируя на злободневные события и интерпретируя их для заинтересованной публики. Специальный выпуск журнала “Национальные идентичности” был посвящен десятилетию деволуции в Шотландии.

В центре публичных дискуссий оказываются вопросы соотношения разных идентичностей [Kiely et al., 2001]. Шотландская однозначно ставится перед британской, независимо от партийной принадлежности. Понимание множественности идентичностей у шотландцев сильно развито. Применительно к Шотландии социологами использовалась формула Морено: пять позиций, выстроенных иерархически – шотландец, небританец; больше шотландец, чем британец; в равной мере шотландец и британец; больше британец, чем шотландец; британец, нешотландец. В начале 2000-х шотландский исследователь Д. Маккрон высказывал убеждение, что “Шотландия как нация утверждается через институциональные практики” [McCrone, 2001: 47]. На протяжении 20 лет он и его коллеги работают над исследо-

ванием шотландской идентичности, и одним из результатов стало выявление отсутствия прямой связи между тем, как человек себя идентифицирует в плане этнической принадлежности и как он голосует. На выборах 2011 г. было зафиксировано, что произошло существенное увеличение числа голосовавших за SNP среди тех, кто определил себя скорее как шотландец, нежели как британец – с 41% в 2007 г. до 66% в 2011-м. Однако среди тех, кто идентифицировал себя только с Шотландией, рост сторонников SNP значительно меньше – с 60 до 64%. Но и в той, и в другой группе лишь 2/3 голосовали за националистов [McCrone, Bechhofer, 2015].

Деволюция способствовала усилению гетерогенности Шотландии в этническом плане. Согласно докладу Пареха, деволюция призвана поддержать мультикультурный концепт Британии. За годы деволюции в полтора раза вырос приток мигрантов в Шотландию. Перепись населения в 2011-м показала 16% тех, кто не мог отнести себя к белым, а в Эдинбурге и Глазго – почти треть [Simpson, Smith, 2014]. Пол Уормингтон поднимает вопрос о Black Britishness, считая необходимым говорить о британскости не только в отношении белокожих жителей и граждан страны. Он обосновывает право чернокожих граждан на свои представления о британских ценностях и нормах, особое внимание уделяя влиянию на процесс осознания и публичному дискурсу, организованному по этому поводу “чёрными британскими интеллектуалами” [Warmington, 2014]. В шотландском контексте исследователи указывают на особый характер идентичности мигрантов: они предпочитают характеризовать себя через определение – шотландские (шотландские пакистанцы, шотландские китайцы и пр. [Soule et al., 2012: 5].

Деволюция существенным образом повлияла на отношения Шотландии с ЕС, поскольку теперь Шотландия имеет возможность представлять свои интересы как через британские институты, так и непосредственно, а значит, как пишет М.Тэтхэм, “ее голос становится сильнее, громче и отчетливей, чем это было до 1999” [Tatham, 2007: 225]. Все эксперты, которых он интервьюировал, согласны с мнением, что деволюция усилила позиции Шотландии как внутри страны, так и в Евросоюзе. Эксперты солидарны и в том, что в случае выхода Шотландии из состава Соединенного Королевства ей значительно сложнее будет защищать свои интересы в ЕС. Тэтхэм приводит в качестве примера политику в области рыболовства, где интересы Шотландии отличаются от интересов Англии и Уэльса, но все голоса отдаются в пользу Шотландии. Правда, общественное мнение расходится с экспертными оценками. По опросам 2005 года, 46% респондентов соглашались с утверждением, что Шотландия как независимое государство в рамках ЕС сможет добиться большего, нежели в составе Соединенного Королевства [Tatham, 2007: 226].

В связи с готовящимся референдумом о членстве Британии в ЕС общественность Шотландии волнует вопрос относительно того, как развернутся события, если Шотландия захочет остаться в составе ЕС, в то время как другие части Соединенного Королевства примут другое решение. Исследования, проведенные в июле 2015-го, показали, что две трети шотландцев выступают за сохранение членства в ЕС по сравнению с половиной респондентов в Англии и Уэльсе.

Майкл Китинг приводит такие доказательства большей ориентации Шотландии на Европу, нежели других регионов Британии: UKIP представлена в Шотландии слабее, чем в других регионах, бизнес, тред-юнионы и гражданское общество настроены в пользу Европы. Нынешнее правительство Шотландии подтвердило поддержку социального измерения Европы в дополнение к рыночной конкуренции, в отличие от консерваторов. Шотландские правительства постоянно стремятся под-

черкнуть, что они – хорошие европейцы, считая это лучшим способом усилить влияние Keating, 2015]. Китинг не считает, что речь идёт об особой любви шотландцев к Европе. На его взгляд, скорее можно говорить, что шотландцы чуть менее евроскептики, нежели их соседи. Деволуция и интеграция оказались для Шотландии процессами, стимулирующими претензии на самостоятельность, надежды на лучшее управление и жизнь, а также подпитывающими скромную и практичную шотландскую идентичность.

Список литературы

Бусыгина, И.М. (2001), Политическая роль регионов в структуре Европейского Союза: концептуальные и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М.

Дилеммы Британии. Поиск путей развития (2014), / Под ред. Ал.А. Громыко (отв.ред.), Е.В. Ананьевой. М.: Весь мир.

Рабочее движение Великобритании: национальные и расовые проблемы, (1982) / Под ред. М.П. Заборова. М.

Федосов, Д. (1996), Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века. М.: Институт всеобщей истории.

References

Barnett, A. (1990), *This Time*, Vintage, London, UK.

Bogdanor, V. (2001), *Devolution in the United Kingdom*. Oxford University Press, UK.

Busygina, I.M. (2001), *Politicheskaja rol' regionov v strukture Evropejskogo Sojuza: konceptu-al'nye i prikladnye aspekty: avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk. M.*

Colley, L. (1992), "Britishness and Otherness: An Argument", *Journal of British Studies*, vol.31, no 4, Britishness and Europeaness: Who Are the British Anyway? October, pp.309–329.

Daddow Oliver J. (2006), "Euroscpticism and the culture of the discipline of history", *Review of International Studies*, vol.32, pp. 310–311.

Denver D. (2000), *Voting in the 1997 Scottish and welsh Devolurion*, Paper prepared for presentation at the IPSA World Congress, Quebec.

"Devolution of powers to Scotland, Wales and Northern Ireland" (2013), The UK government, Government – guidance, available at: <https://www.gov.uk/devolution-of-powers-to-scotland-wales-and-northern-ireland> (Accessed 3 August 2015).

Dicey, A. and Rait, R. (1920), *Thoughts on the Union between England and Scotland*, Macmillan, London, UK.

Eley, G. (1992), "Culture, Britain and Europe", *Journal of British Studies*, vol.31, no 4. Britishness and Europeaness: Who Are the British Anyway? October, pp. 390–414.

Fedosov, D. (1996), *Rozhdennaya v bitvah. Shotlandia do kontsa XIV veka* [Born in the battles. Scotland till the end of the XIV century], Institute of World History, Moscow, Russia.

Gromyko, A. and Ananyeva, E. (ed.) (2014), *Dilemmy Britanii. Poisk putey razvitiya* [Dilemmas of Britain. Search of the development paths], *Ves' mir*, Moscow, Russia.

Keating, M. (2001), *Nations against the State: the New Politics of Nationalism in Quebec, Catalonia and Scotland*. Edinburgh University Press, UK.

Keating, M. (2015), "Scotland's European Challenge", Centre on Constitutional Change Researching the issues. Informing the debate, 8 August, [Online], available at: <http://www.centreonconstitutionalchange.ac.uk/blog/scotlands-european-challenge> (Accessed 15 August 2015).

Kiely, R., Bechhofer, F., Stewart, D. and McCrone, D. (2001), "Markers and Rules of Scottish National Identity", *Sociological Review*, vol. 49 (1), pp. 53–69.

McCrone, D. (2001), *Understanding Scotland: The Sociology of a Nation*, Routledge, London, UK.

McCrone, D. and Bechhofer, F. (2015), *Understanding national identity*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, available at:

https://books.google.ru/books?printsec=frontcover&vid=LCCN2014043721&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (Accessed 25 August 2015).

- McGarvey, N. (2008), "Devolution in Scotland: change and continuity", in McGarvey, N. and Bradbury, J. (ed.), "Devolution, regionalism and regional development : the UK experience", Routledge, London, UK.
- Parekh, B. (2008), *A New Politics of Identity*, Basingstoke, London, UK.
- Rojek, C. (2007), *Brit-Myth: Who Do the British Think They Are?* Reaktion Books, London, UK.
- Rosenbaum, M. (2001), *Britain and Europe: The Choices We Face*. Oxford University Press, UK.
- Scotland in the European Union, The Scottish Government, available at: <http://www.scotland.gov.uk.2013/11/5894/14> (Accessed 14 July 2015).
- Scottish rate of Income Tax, HM Revenue and Customs, available at: www.hmrc.gov.uk/news/scottish-rate.htm (Accessed 12 August 2015).
- Sewel Convention – Legislative Consent Motions, The Scottish Government, available at: www.scotland.gov.uk/About/Government/Sewel (Accessed 18 July 2015).
- Simpson, L. and Smith, A. (2014), "Who feels Scottish? National identities and ethnicity in Scotland", Centre on Dynamics of Ethnicity (CoDE), August, available at: <http://www.ethnicity.ac.uk/medialibrary/briefings/dynamicsofdiversity/code-census-briefing-national-identity-scotland.pdf> (Accessed 28 July 2015).
- Soule, D., Leith, M.S. and Steven, M. (2012), "Scottish Devolution and National Identity", *National Identities*, vol.14, no.1.
- Tatham, M. (2007), "Scotland and the European Union: Has Devolution Changed Anything? Scottish EU interest Representation – a Case Study", in Leydier, G. (ed.), *Scotland and Europe, Scotland in Europe*, Cambridge Scholars Publishing, UK.
- Ware, V. (2007), *Who Cares about Britishness? A Global View of the National Identity Debate*. Arcadia Books, London, UK.
- Warmington, P. (2014), *Black British Intellectuals in Contemporary Britain*, Routledge, UK.
- Your Scotland, Your Voice: A National Conversation, The Scottish Government, available at: www.scotland.gov.uk/Publications/2009/11/26155932/0 (Accessed 26 July 2015).
- Zaborov, M. (ed.) (1982), *Rabochee dvizhenie Velikobritanii: natsionalnie I rasoviye problemyi* [Working movements of Great Britain: national and race problems], Moscow, Russia.

Identity at the crossroads of the European integration and devolution in Scotland

Author. Fadeeva L.A., Professor of Politics, Chair of Political Science Department, Perm State University, Chairman of the Perm branch of the Association of European Studies, the member of the Board of AES.
Address: 15, Bukireva st., Perm, 614990. **E-mail:** lafadeeva2007@yandex.ru

Abstract. Public debates on the British identity include awareness that the four nations of the United Kingdom possess their own identities. The British opposition to Europe seems to be presumably the English opposition.

The author characterizes the influence of the European integration and the devolution in Scotland on the Scottish identity. The Scottish identity includes both Scottish and British but excludes the English one. The struggle for autonomy of Scotland was very long and resulted in the Scotland Acts of 1998 and 2012. The devolution strengthened the Scottish identity, national consciousness and significance of Scotland as an actor of both the British politics and the politics of the European Union. As a result, the Scottish people supported the idea of the 2014 Referendum on the Scottish Independence. 55.3% participants voted against separation – anyway, the level of the public debate and manifestation of Scottish identity is still intensive. The European integration widened the opportunities for Scotland to promote the interests of the region. That is why the two thirds of Scottish people prefer to keep the UK membership in the EU, in comparison with a half of the respondents in England and Wales.

Key words: identity, devolution, European integration, Scotland, United Kingdom, Britishness, European Union.
